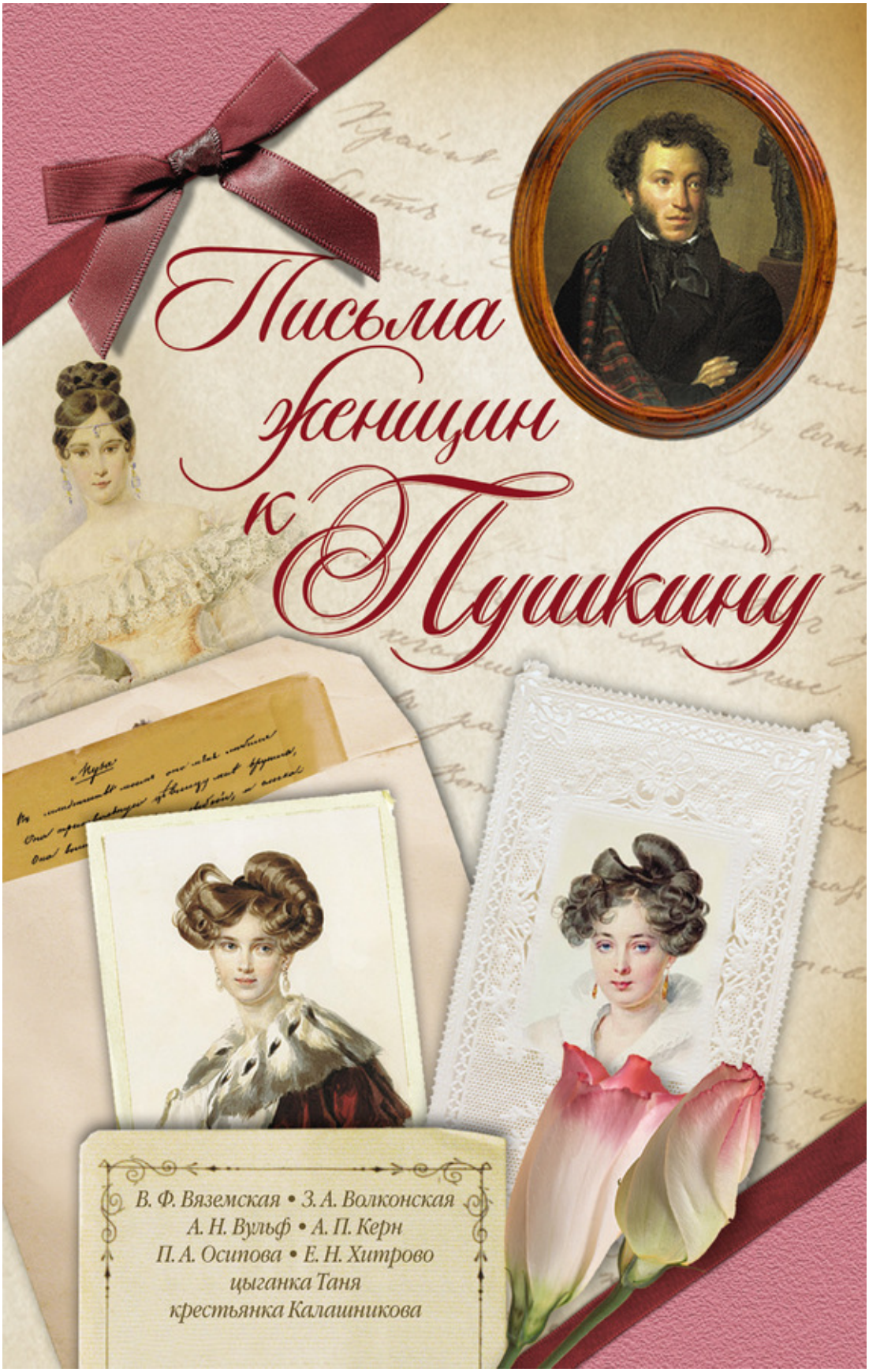
Письма женщин к Пушкину
В. Ф. Вяземская • З. А. Волконская
А. Н. Вульф • А. П. Керн
П. А. Осипова • Е. Н. Хитрово
цыганка Таня
крестьянка Калашникова

Леонид Петрович Гроссман

Письма женщин к Пушкину

Серия «Любовные письма великих людей»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5806151
Письма женщин к Пушкину / составитель Л. П. Гроссман.: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-077223-0

Аннотация

Сборник «Письма женщин к Пушкину», составленный известным писателем и литературоведом Леонидом Гроссманом, лучшее свидетельство для оценки любовных нравов эпохи. Наследие европейской эротики XVIII столетия заметно сказывалось в интимном быту русского дворянства 20-х – 30-х годов. Знаток и ценитель традиций «галантного века» Пушкин окрашивал романтические идиллии своих современниц в тона «Опасных связей» Лакло. И если в лирике он поднимался до высоких и чистых поклонений «вечно женственному», то в своей романтической практике был весьма далек от этого. Отношение к женщинам было для Пушкина лишь сферой острых эротических переживаний и несколько отвлеченным материалом для великолепных лирических опытов.

Письма В.Ф.Вяземской, З.А.Волконской, А.Н.Вульф, А.П.Керн и многих других подтверждают, что в личности поэта не было ничего от Дон Кихота и очень много от Казановы.

Содержание

Предисловие 4
I 5
II 7
III 10
Письма 12
В. Ф. Вяземская 12
З.А. Волконская 14
А.Н. Вульф 16
П.А. Осипова 24
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Письма женщин к Пушкину
Составитель Л. П. Гроссман

Предисловие

Письмо Татьяны предо мною.
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.

«Евгений Онегин», III, XXI

Переписка Пушкина с его современницами поднимает ряд живых исторических вопросов и возбуждает несколько значительных тем по его биографии и поэтике. Словесная культура письма в онегинскую эпоху, высокое мастерство поэта в эпистолярном жанре, общий характер романических нравов той поры, галерея женских портретов, развернутая над интимным архивом Пушкина и раскрывающая нам забытую жизнь салонов, редакций или усадебных парков, – все это возникает из палевых листков старомодной почтовой бумаги, исписанной тонким женским почерком 20-х годов.

Раскроем же эту старинную шкатулку. Развернем желтеющие пачки дружеских, шутливых, влюбленных, подчас деловых и почти всегда нежных писем женщин к Пушкину. Они помогут нам воспринять время поэта в том неуловимом, интимном, характерном и человечески-волнующем, что остается обычно за пределами строгой истории.

I

Пушкин высоко ценил своих читательниц и почитательниц. Его многочисленные мадригалы, послания и посвящения – часто только ответная дань признательности за сердечные исповеди и восхищенное поклонение.

«Теперь я понимаю, – пишет героиня его «Романа в письмах», – за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень: они их истинная публика…»

Но к той же категории относились и великосветские дамы, и руководительницы поэтических кружков, и стареющие помещицы, и смиренные писательницы 30-х годов.

Некоторые из них оставили в своих письмах к Пушкину отрывочный, но ценный материал для характеристики сердечных и литературных связей эпохи, личности Пушкина, культурных запросов его времени и духовного уровня русских женщин той поры.

Пушкин в окружении этих поклонниц и читательниц освещается с различных сторон как собеседник и писатель. Пачка женских писем, адресованных к нему, раскрывает все разнообразие впечатлений от поэта в пестром кругу его современниц.

Дружеская шутка Вяземской, блистательная похвала Зинаиды Волконской, девичья влюбленность Анны Вульф, заботливая нежность Осиповой, веселая фривольность Керн, самоотверженная страсть Элизы Хитрово, светская вежливость Смирновой, наконец, глубокое благоговение писательниц – Дуровой, Фукс, Ишимовой – сквозь все эти разнообразные восприятия и сердечные склонности отчетливее проступает перед нами вечно неуловимый образ Пушкина.

Эти листки старинной переписки – лучшие свидетельства для оценки любовных нравов эпохи. Наследие европейской эротики XVIII века заметно сказывалось в интимном быту русского культурного слоя 20-х годов. Знаток и ценитель этих традиций «галантного века», Пушкин заметно окрашивал романтические идиллии своих современниц в тона «Опасных связей» Лакло. «Чувство – только дополнение к темпераменту», – говорил он полюбившей его девушке, которая из общения с ним выносит впечатление, что он «опасный человек», не стоящий искреннего увлечения. Переписка Пушкина действительно подтверждает, что женщина рано получила для него значение только праздничного возбудителя жизнеощущений в духе старинных сенсуалистов Италии и Франции. На каждом шагу здесь вспоминается свидетельство юного Павла Вяземского о своеобразных уроках Пушкина, убеждавшего его «в важном значении для мужчины способности приковывать внимание женщин». «Он учил меня, что в этом деле не следует останавливаться на первом шагу, а итти вперед, нагло, без оглядки, чтобы заставить женщин уважать вас… Он постоянно давал мне наставления об обращении с женщинами, подправляя свои нравоучения циническими цитатами из Шамфора…»

Отсюда ряд драматических столкновений в пушкинском окружении. Знаменитый поэт, увлекательный собеседник, облеченный громкой литературной славой и опасной репутацией донжуана, он, видимо, производил на женщин – особенно в последнее десятилетие своей жизни – совершенно неотразимое впечатление. Некоторые строки из писем к нему А. Н. Вульф, П. А. Осиповой или Е. М. Хитрово свидетельствуют об их глубоком и трогательном чувстве, готовом все понять и все простить. Но сам поэт относился обычно довольно легко к этим проявлениям сердечной привязанности.

Автор «Гавриилиады» мало ценил в жизни «возвышенные чувства», принимая их, видимо, только в творческом плане. Художественный корректив, во многом видоизменявший непосредственную натуру Пушкина, вносил некоторое разнообразие и в основной тон его отношений к женщине. Элегия восполняла подчас глубокими нотами мечты и печали

чувственную доминанту его жизнеощущения. Но изменить этот основной «тонос» она все же не могла.

Любовь, как проникновение в духовный облик другого существа, глубоко сочувственное овладение этим сложным миром, полное слияние с ним и радость общего бытия в единстве внутренних переживаний – такое чувство было чуждо Пушкину. Любви в этом смысле он, вероятно, никогда не знал. Единственное, кажется, чистое и глубокое поклонение, проходящее через его жизнь и доныне не разгаданное, во всяком случае не было разделено и осталось в плане художественных вдохновений. Обычно он испытывал лишь страсть и ревность, но оба эти состояния переживал необычайно интенсивно и бурно. Если в лирике он поднимался до высоких и чистых поклонений «вечно женственному», в своей романтической практике он был далек от культа Прекрасной Дамы, от любовной метафизики средневековья или романтизма. Скорее нечто от эпохи Ренессанса и XVIII века отразилось на его личных романах. Не Данте и Новалис, но Аретино и Вольтер. В личности Пушкина не было ничего от рыцаря Тогенбурга и было очень много от Казановы.

Равнодушие и безразличие к духовному миру женщин определяют все его увлечения. Характерно свидетельство его брата Льва, что в разговорах с женщинами он никогда не касался вопросов поэзии и литературы. Любовь для него оставалась преимущественно сферой острых эротических переживаний и несколько отвлеченным материалом для великолепных лирических опытов, для бессмертных русских Amores. Но любви в простом человеческом смысле ему, по-видимому, никогда не пришлось испытать. Лирика чувства исключалась насмешливым скептицизмом. К Воронцовой он применяет циническую фразу о «восьми позах Аретино», Керн для него «вавилонская блудница», Вульф – смешная провинциалка, Хитрово – сладострастная Пентефриха.

В минуту откровенности он пишет Элизе Хитрово, этой глубоко сердечной женщине, которая тревожится за его здоровье, устраивает его судьбу, проявляет к нему поистине молитвенное благоговение:

«Я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки, – это и гораздо короче и гораздо удобнее… Хотите ли Вы, чтобы я говорил с Вами откровенно? Быть может, я изящен и вполне порядочен в моих описаниях, но мое сердце совсем вульгарно, и все наклонности у меня вполне мещанские. Я пресытился интригами, чувствами, перепиской и т. д. и т. д. Я имею несчастие быть в связи с особой умной, болезненной и страстной, которая доводит меня до бешенства, хотя я и люблю ее всем сердцем. Этого более чем достаточно для моих забот и особенно для моего темперамента. Вас ведь не рассердит моя откровенность, не так ли?»

Рассердить Елизавету Михайловну, при ее беззаветной кротости, Пушкин не мог. Но мучительно ранить ее, «разорвать ей сердце» холодным или жестоким признанием, почти не замечая этого, – мог: на это он шел бездумно и почти что безотчетно.

Переписка Пушкина показывает, что таким он обычно и был почти во всех своих романах. Взволнованные женские голоса, обращавшиеся к нему с признаниями, хвалами и мольбами, почти никогда не встречали желанного отзвука. «Elegant dans ses ecrits», он в любви несомненно проявлял свои «inclinations toutes tiers-etat». Исследователь должен склониться перед обоими приговорами Пушкина и одинаково признать праздничный блеск его писаний и прозаическую будничность его любовных связей.

II

Так романические нравы эпохи, очерченные в замечательном памятнике эротической литературы – дневнике А. Н. Вульфа, приоткрываются и в переписке Пушкина с его современницами.

Высоко ценные, как исторический документ об интимном быте пушкинской поры, они представляют и значительный интерес со стороны литературной. Словесный памятник эпохи, когда письма господствовали в повседневном быту и ощущались их авторами как законченный жанр, они во многом вскрывают и определяют законы и правила этого вида.

Письма Пушкина и его корреспонденток – это не просто признания и беседы, они почти всегда закономерно оформлены и подчинены установившимся композиционным приемам, предусмотренным кодексом эпистолярного стиля.

Характерно уже то, что в большинстве случаев они написаны на языке тогдашней культурной беседы – на французском. Особый литературный жанр – «почтовая проза» – еще не получил у нас в то время достаточного развития. Вот почему, когда Пушкин решил ввести в свой роман любовное письмо Татьяны, он стал перед трудной художественной проблемой:

Доныне дамская любовь
Не изъяснимая по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык…

Все условия художественного правдоподобия категорически предписывали ему дать здесь стихотворный французский текст. Мы знаем, что почти полвека спустя Лев Толстой отступил в этом случае перед трудностью отказа от иностранного языка и дал в «Войне и мире» письмо Жюли Карагиной (и диалоги великосветского общества) в безукоризненном французском оригинале.

Пушкин не скрывал трудностей передачи в русских стихах письма Татьяны, которая «по-русски плохо знала» и «выражалася с трудом на языке своем родном». И вот для своих читателей поэт дает «с живой картины список бледный», т. е. перелагает в онегинские строфы:

…страстной девы
Иноплеменные слова.

Сохранилось свидетельство о том, что Пушкин действительно с трудом и после долгих колебаний разрешил эту словесную проблему. В «Московском телеграфе» (1827) сообщалось со слов самого поэта о его затруднениях при разрешении этого сложного стилистического опыта:

«Автор сказывал, что он долго не мог решиться, как заставить писать Татьяну без нарушения женского единства и правдоподобия в слоге: от страха сбиться на академическую оду, думал он написать письмо прозою, думал даже написать его по-французски; но, наконец, счастливое вдохновение пришло кстати, и сердце женское запросто и свободно заговорило русским языком, не задерживая и не остужая выражений чувства справками со словарем Татищева и грамматикою Меморского».

Таким образом, русское письмо Татьяны оказалось смелым художественным приемом, решительно порывавшим с установившейся культурно-бытовой традицией. Мы знаем по переписке поэта, что она и лично была близка ему. Пушкин рано воспринял старинное

наследие знаменитых французских epistoliers. Есть свидетельства, что мать его писала свои письма «в безукоризненном стиле какой-нибудь Севинье». Семейные письма всех Пушкиных свидетельствуют о их общей причастности к классической культуре этого жанра.

Письма Пушкина во многом вскрывают основы его общего прозаического стиля. Здесь явственно обнаруживается его словесная близость к французскому XVIII веку с его поэтикой, идеологией, умственными уклонами и литературными вкусами. Острословие Вольтера и Бомарше, быстрая повествовательная манера Монтескье и Дидро, цинический скептицизм Кребильона, Ретифа, Парни и многих других «малых поэтов» эпохи регентства и последних Людовиков, дух критической иронии, пристрастие к кощунству, уклоны к «веселому сладострастию», блеск, ясность, изящество и лаконичная меткость стиля – всем этим предшествующее столетие в лице его законодательной нации не переставало формировать литературную манеру Пушкина.

Это, несомненно, облегчило ему путь к законченной художественности его «почтовой прозы». Поэт использовал в своих письмах огромное количество литературных приемов. Анекдоты, каламбуры, исторические изречения, стихотворные цитаты и подчас целые поэтические фрагменты обильно расцвечивают здесь основной фон текущих сообщений. Письмо Пушкина часто приближается к жанру фельетона, сохраняя, впрочем, всегда специфические особенности эпистолярного стиля. Комическая реплика Арлекина, острый и неожиданный ответ Фонвизина, забавное возжжение Артура Потоцкого, историческая фраза Мирабо или Сиейсе, суждение Тиберия о Вибии Серене, восклицание Андре Шенье на эшафоте, возглас Шамфора о жертвах его эпиграмм – все это цитируется среди личных признаний, придавая подчас почтовому сообщению характер живой и занимательной беседы.

«Ах, каламбур: скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, когда наденет мои поясы». (Вяземскому, 19 ноября 1826 г.)

«Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30 лет жизни игрока». (Плетневу, 31 августа 1830 г.)

«Со злости духом прочел «Духов». Calambour reconnais tu la sang?» (Кюхельбекеру, 20 декабря 1825 г.)

«Вот тебе мои бон-мо (ради соли вообрази, что это было сказано чувствительной девушке, лет 26). Qu’est ce que le sentiment? Un supplement du temperament» (Что такое чувство? Дополнение к темпераменту) (Вяземскому, 10 августа 1825 г.)

Во всем этом сказываются явственные отзвуки той французской словесной культуры, которая с такой отчетливостью внесла принципы своих изощренных бесед в теорию оформления писем.

Всеми этими приемами Пушкин владеет в совершенстве. В его почтовых обращениях к женщинам они развертываются подчас с особым блеском и силой.

Некоторые его письма к Керн – почти сплошная игра слов, веселая и легкая болтовня, перемешанная повсеместно шутками, игривыми намеками и каламбурами. «Я было принялся писать вам глупости, над которыми вы бы умерли со смеху», – определяет сам он эту манеру в одном из своих писем.

Пушкин не скрывал своего восхищения перед некоторыми эпистолярными образцами XVIII века, выражая в своих отзывах собственные воззрения на качества и особенности литературного письма. «Кажется, одному Вольтеру, – пишет он, – предоставлено было составить из деловой переписки о покупке земли книгу, на каждой странице заставляющую вас смеяться и передать сделкам и купчим всю заманчивость остроумного памфлета».

Он высоко ценит и письма де Бросса за необыкновенный талант изложения, шутливое остроумие и живость: «Письмо его, как и Вольтера, исполнено ума и веселости».

Пушкин в высокой степени ощущает жанр письма и никогда не подменяет его другими литературными видами. Затрагивая всевозможные темы, он не переходит в другие стили.

Описание, речь, пейзаж, литературный портрет, публицистика, памфлет, пародия – все это нигде не выступает в его письмах как самостоятельный жанр и только сообщает летучие штрихи для наиболее полного выявления основного эпистолярного стиля.[1]

Корреспондентки Пушкина, конечно, подходили к своим почтовым творениям с меньшей озабоченностью о теориях «письма». Но известные традиции здесь несомненно сказывались. Романы в письмах им были знакомы и часто неощутимо оказывали свое воздействие на способ их выражения. Недаром Пушкин в «Метели» отмечает, что при объяснении Бурмина Марья Гавриловна вспомнила первое письмо Saint-Preux. Недаром в Михайловском он перечитывает «Клариссу Гарло», взятую, по-видимому, в библиотеке тригорских барышень. Общая культура письменной беседы сказывалась на этих взволнованных и нервных листках.

Пушкин оценил их и сохранил для потомства. «Письмо Татьяны предо мною – Его я свято берегу…» Чрезмерно равнодушный к авторам, он, видимо, все же ценил эти писаные исповеди. В некоторых случаях он действительно читал и перечитывал «с тайною тоскою» эту своеобразную литературу, оформленную по традициям французской эпистолярной поэтики, но при этом охваченную подчас горестным лиризмом открывшегося и отвергнутого чувства.

Часть этих писем дошла до нас. Мы можем вслед за поэтом перечесть эти старинные документы, освещающие его личность, его окружение, его эпоху.

[1] Ряд ценных замечаний о письмах Пушкина, как литературном явлении, сделаны Г. О. Винокуром. Он исходит из несомненного положения, что «Пушкин работал над своими письмами, как над художественной вещью, – письма для него были равносильны литературному факту» (Культура языка. М., 1925. С. 183). На аналогичном положении построена статья Н. Степанова «Дружеская переписка 20-х годов» в сборнике «Русская проза» под редакцией Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова (Л., 1926).

III

Некоторые из корреспонденток оставили свои воспоминания о поэте, значительно дополняющие их эпистолярные признания и исповеди. Мы сочли необходимым присоединить их к письмам, добавив к ним еще несколько характерных женских мемуаров о поэте – М. Н. Волконской, А. М. Каратыгиной-Колосовой, В. А. Нащокиной, цыганки Тани.

Страницы воспоминаний как бы дополняют круг разнообразных впечатлений о поэте его ближайших современниц.

Надо отметить, что это особый вид мемуарной литературы: воспоминания о знаменитых мыслителях или художниках, бережно записанные женской рукой. Такие автобиографические свидетельства как бы составляют особую группу культурно-исторических документов. Факты творческого порядка здесь преломляются сквозь повышенную женскую впечатлительность, а облики знаменитых творцов перед нами неожиданно раскрывают новые, своеобразные, подчас наименее известные и наиболее человеческие черты. Все ценные свойства этого жанра выступают и в отрывочных мемуарных страницах о Пушкине.

Оговоримся: некоторые из приведенных воспоминаний писались их авторами под конец жизни, когда события отдаленного прошлого затуманились и побледнели. Быль сплеталась с преданием и подчас произвольно освещалась воображением или расцвечивалась «творческой памятью». Не все одинаково достоверно в рассказах Нащокиной и цыганки Тани. И все же в основном они передают нам явственно ощутимые черты подлинной жизни, быта и облика поэта. Маловероятный анекдот без труда отпадает и не может исказить установленной правды о Пушкине. Живые впечатления его собеседниц освещают по-новому его классический портрет.

* * *

В основу настоящего сборника положены известные издания переписки Пушкина:

1. Пушкин А. С. Переписка/Под ред. и с примеч. В. И. Саитова//Собр. соч. в 3 т. СПб.: Изд. Академии наук, 1906–1911 гг.

2. Письма Пушкина и к Пушкину, не вошедшие в изданную Академией наук «Переписку Пушкина», собрал М. А. Цявловский. Изд. Гос. Академии художественных наук. М., 1925 г.

3. Пушкин А. С. Письма/Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского//Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР. Т. 1 (1815–1825). М.Л.: ГИЗ, 1926 г. Т. 2 (1825–1830). М.Л.: 1928 г.

Сюда же необходимо присоединить и письма Пушкина к Е. М. Хитрово (1827–1832). – Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР. Л., 1927 г.

Большинство писем корреспонденток Пушкина написано на французском языке и по этой причине недоступно широким читательским кругам. Объединяя в одном сборнике «женскую корреспонденцию» поэта, дается полный русский перевод этих старинных посланий. Он выполнен О. М. Новиковой. Ответные письма Пушкина, написанные также на французском языке, частично даны в том же переводе, частично же – в переводах вышеназванных изданий, которые здесь воспроизведены.

Тексты писем предварены небольшими статьями и заметками о корреспондентках Пушкина, написанными, главным образом, по некоторым мемуарным свидетельствам и, особенно, по их письмам к поэту. В облике П. А. Осиповой, например, при внимательном чтении ее писем раскрывается ряд новых черт. Хозяйственная соседка Пушкина по Михайловскому оказывается в политическом отношении носительницей весьма радикальных убеждений, во многом идущей впереди воззрений самого поэта. В 20 – 30-х годах

эта пожилая помещица является довольно типичной представительницей оппозиционной дворянской интеллигенции, преданной декабристам и резко враждебной милитаристскому строю Николая I.

Для настоящего сборника соблюден принцип комментирования – по возможности сжатый и необходимый. Относя ряд разъяснений в небольшие вступительные заметки к этой группе писем, мы решили прибегать к объяснительным примечаниям лишь в тех случаях, когда они совершенно необходимы для понимания данного места, принимая во внимание уровень того подготовленного читателя, который может заинтересоваться сборником. В остальных случаях намеренно опущен всякий комментарий, так как старинные тексты воспоминаний или писем часто говорят сами за себя и в большинстве случаев не нуждаются в комментарии.

Печатаемые рядом письма и воспоминания одних и тех же лиц на одну и ту же тему в значительной степени служат взаимному пояснению и часто избавляют от интервенции редактора. Обильно приводимые попутно высказывания самого Пушкина в письмах или стихотворных фрагментах успешно служат той же цели. Небольшие вступительные заметки общего характера дополняют предлагаемые тексты. Все это дает возможность сократить количество примечаний, сведя их преимущественно к переводу иностранных текстов или же к сжатой справке о каком-нибудь редком явлении или малоизвестном имени.

Письма

В. Ф. Вяземская

Княгиня Вера Федоровна Вяземская (1790–1886) – жена писателя и близкого друга Пушкина, принадлежала к числу искренних друзей поэта. Будучи старше его на девять лет, она, несомненно, вносила в свои отношения к Пушкину чувство нежной материнской заботливости о нем. Этим она отчасти напоминает некоторых других «старших» подруг Пушкина, как П. А. Осипова или Е. М. Хитрово. Встречаясь с Пушкиным в Одессе в 1824 году, Вера Федоровна принимает близкое участие в его отношениях с Воронцовым, старается образумить поэта и направить его на должный путь. «Я пытаюсь приручить его к себе, как сына, – сообщает В. Ф. Вяземская своему мужу, – но он непослушен, как паж; если бы он был менее дурен собою, я дала бы ему имя «Керубино»; право, он только и делает, что ребячества…» И в другом письме: «Мы с ним в прекрасных отношениях; он забавен до невозможности. Я браню его, как будто бы он был моим сыном…»

Вера Федоровна Вяземская, по свидетельству современников, отличалась неистощимой веселостью и надолго сохранила в своем смелом обхождении с людьми остаток какой-то очаровательной детской резвости. Разговор ее искрился живым и острым умом и постоянно прерывался взрывами заразительного хохота. Она отличалась даже некоторой насмешливостью и особенно любила иронизировать над влюбленными, не веря в силу страстей и скептически относясь к чувствам, ею возбуждаемым. В таком духе написано и сохранившееся ее письмо к Пушкину, согретое веселым тоном дружеской беседы, характерной шуткой над влюбчивостью поэта и, наконец, искренним участием к его судьбе и его будущему.

Существует предположение о романическом характере отношений Пушкина и Вяземской, но эту версию нельзя признать достаточно обоснованной. Сохранившиеся письма Пушкина к Вере Федоровне отличаются обычно простым дружеским тоном, переходящим подчас в легкую шутку.

А.С. Пушкин – В. Ф. Вяземской
3 ноября 1826 г. Торжок

Спешу, княгиня, послать вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры, но мадригал и чувство стали одинаково смешны. Что сказать вам о моем путешествии? Оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и невыносимых ямщиков. Толчки, удары локтями и проч. очень беспокоят двух моих спутников, я прошу у них извинения за вольность обращения, но когда путешествуешь совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С. П.[2] – мой добрый ангел, но другая[3] – мой демон; это весьма некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях. Прощайте, княгиня, – еду похоронить себя в обществе моих соседок. Молите бога за упокой моей души. Если вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в 4, это будет с вашей стороны вполне милое кокетство. Вы, которая умеет написать записку лучше, чем моя

[2] Это, само собою разумеется, не Сергей Пушкин. – (*примеч. Пушкина*.)

[3] По мнению Б. Л. Модзалевского – Анна Николаевна Вульф. Предыдущие же инициалы, под которыми Пушкин просит не подразумевать его отца Сергея Львовича, расшифровываются как Софья Федоровна Пушкина, которой поэт в то время увлекался.

покойная тетушка[4], неужели вы не проявите такой доброты? (NB: записка впредь синоним музыки.) Итак, прощайте. Я у ваших ног и трясу вам руку на английский манер, так как вы ни за что не желаете, чтобы я вам ее целовал. Достаточно ли обиняков? Ради бога не давайте ключа к ним вашему супругу. Категорически восстаю против этого.

В.Ф. Вяземская – А. С. Пушкину
19 ноября 1826 г. Москва

Я думаю, что это письмо сильно займет вас, а моя слабость и леность воспользуются этим, чтобы сказать вам всего несколько слов. Прежде всего, не сошли ли вы с ума? Возможно ли так легкомысленно разменивать свои прекрасные рифмы и так зря тратить свое золото? Количество поясов меня возмутило; только качество[5] их может послужить вам извинением, – все они прелестны. Продолжают ли добрый ангел и демон сопутствовать вам? Я думаю, вы давно уже оставили их. Кстати, вы так часто меняете свои предметы, что я не знаю, кто же другая. Муж меня уверяет, будто я надеюсь, что это я сама. Да сохранит нас обоих от этого небо! Прежде всего я не хочу с вами путешествовать, я чересчур слаба и стара, чтобы рыскать по большим дорогам; я сделалась бы в прямом смысле слова вашим злым ангелом. Но я рассчитываю на вашу дружбу. Вы, кажется, впрочем, сбросили с себя это иго, которому должны быть обязательно подчинены, чтобы выслушивать без возмущения некоторые правдивые слова. Итак, прощайте, серьезный мой друг, сообщите нам о ваших планах[6].

[4] Та, которой посвящено шутливое стихотворение: «Ах, тетушка, ах, Анна Львовна, – Василья Львовича сестра…»

[5] В подлиннике, приведенном в академическом издании писем, quantite' (количество), – явная ошибка. – (примеч. пер.)

[6] К письму приписка кн. П. А. Вяземского на русском языке.

З.А. Волконская

Облик Зинаиды Волконской дошел до нас в двух замечательных художественных зарисовках: в превосходной миниатюре Изабе, передающей всю легкую и задумчивую грацию ее внешности, и в знаменитом мадригале Пушкина, запечатлевшем в нескольких летучих штрихах одухотворенный облик «Северной Коринны».

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется, и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

В своем кратком послании Пушкин отмечает основную черту Волконской – ее пристрастие к «играм Аполлона». Дочь известного дипломата и мецената А. М. Белосельского-Белозерского, получившего даже прозвище «московского Аполлона», З. А. Волконская (1792–1862) блестяще представляла в 20-е годы русские художественные круги. Поэзия, музыка, сцена – всему этому она служила как даровитая дилетантка, умевшая объединять вокруг себя лучших представителей искусств и наук. Это была настоящая руководительница литературно-артистического салона, и в последующей истории русской художественной культуры уже не было более блестяще одаренной «предводительницы» свободного объединения художников.

Европейским стилем своей жизни, тонким художественным вкусом и несомненными артистическими дарованиями, соединенными с замечательной красотой, Волконская привлекала к себе мыслителей и поэтов самых разнообразных толков. Салон ее, где бывали Мицкевич и Чаадаев, где поэты пушкинской плеяды общались с представителями ученой Москвы, где не переставали чередоваться концерты, спектакли и чтения, остается крупным и ярким явлением в истории нашего культурного прошлого.

В письме З. А. Волконской к Пушкину отразились живые черты ее художественной жизни вместе с глубоким преклонением перед «творцом Бориса Годунова».

В начале письма она упоминает свою переделку для оперы «Орлеанская дева» Шиллера («Giovanna d’Arco, dramma per musica, ridotto da Schiller, Roma, 1821).

В этой опере, как видно из ее письма, она сама и выступала, причем художник Бруни зарисовал ее в роли Жанны д’Арк. В конце письма сказывается то восторженное отношение русского общества 20-х годов к Пушкину, которое вполне разделялось и З. А. Волконской.

Об этом имеются и мемуарные свидетельства. «Помнится и слышится еще, – писал много лет спустя Вяземский, – как она в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним пропела Элегию его, положенную на музыку Геништою:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман…

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению краска вспыхивала в лице его…»

Это поклонение Пушкину открыто и сильно выражено в письме З. А. Волконской, которое переходит под конец в изящный, хотя и несколько надуманный стиль классической похвалы поэту.

З.А. Волконская – А. С. Пушкину
29 октября 1826 г. Москва

Вот уже несколько дней, как я отложила для вас эти немногие строки, дорогой Пушкин. Но я забыла вам их передать; ведь когда я вас вижу, я становлюсь мачехой. «Иоанна» была написана для моего театра, я играла эту роль и, желая сделать из нее оперу, принуждена была закончить свое исполнение посреди пьесы Шиллера. Вы получите литографию моей головы в Giovanna d'Arco, по Бруни, вы поместите ее на первой странице и будете вспоминать обо мне. Возвращайтесь к нам. В московском воздухе легче дышится. Великий русский поэт должен писать или в степях, или под сенью Кремля, а творец Бориса Годунова принадлежит городу царей. Какова же должна быть мать, зачавшая человека, чей гений есть полнота силы, изящества и простоты, который, являясь нам – то дикарем, то европейцем, – то Шекспиром или Байроном, то Ариостом или Анакреоном, – но всегда Русским, переходит от лирики к драме, от песен нежных, любовных, простых, порою суровых, романтических или язвительных, к величественному и простодушному тону строгой истории.

До свидания, скорого, надеюсь. Княгиня Зинаида Волконская.

А.Н. Вульф

Письма старшей дочери П. А. Осиповой Анны Николаевны Вульф чрезвычайно характерны для суждения о «Михайловских» годах Пушкина. Они полнее всего свидетельствуют о его роли в женском обществе Тригорского, о любовной практике поэта, о производимом им впечатлении и возникавших вокруг него сердечных драмах.

Из этих писем выступает довольно отчетливо характерный для стародворянского русского быта любовный поединок матери с дочерью. Условия тогдашней жизни с замкнутым, почти что кастовым кругом знакомых, с невозможностью для девушек и женщин общаться с представителями различных сословий и свободно выбирать себе друзей или спутников жизни в любом кругу, вызывали постоянные семейные столкновения женских интересов. Обычай «гостить», ночевать или даже подолгу дружески жить у соседей всячески способствовал таким драматическим столкновением подруг или родственниц вокруг привлекательных героев их обычного круга. По дневникам Е. В. Сухово-Кобылиной нам известно, какая драма взаимной ревности разыгралась между ней и ее матерью из-за жившего в их доме Н. И. Надеждина. Недаром Тургенев в конце 40-х годов широко использовал этот драматический мотив в своем «Месяце в деревне».

Аналогичная драма, хотя и в менее острых формах, разыгралась и в Тригорском. Увлеченная Пушкиным, мать Анны Николаевны, Прасковья Александровна Осипова, решает удалить возможную соперницу свою, старшую дочь, отдавая себе, очевидно, полный отчет в ее чувстве к Пушкину. «Вчера у меня была очень бурная сцена с моей матерью из-за моего отъезда. Она сказала перед всеми моими родными, что решительно оставляет меня здесь… Если бы вы знали, как я печальна! Я, право, думаю, как А. К. (Анна Керн), что она одна хочет одержать над вами победу и что она из ревности оставляет меня здесь…» И далее: «Я страшно зла на мою мать; вот ведь какая женщина!»

В письмах Анны Николаевны много глубокого, искреннего и красивого чувства. Она имела право писать поэту: «Вы терзаете и раните сердце, цены которому не знаете». Особенно проникновенно и сердечно письмо, вызванное переломом в судьбе поэта (отъезд его из Михайловского в Москву по вызову императора). «Боже, с какой радостью я бы узнала, что вы прощены, если бы даже мне не пришлось вас никогда больше увидеть, хотя это условие для меня столь же ужасно, как смерть». И это несмотря на довольно легкое отношение к ней Пушкина, который подчас «оскорбляет» ее своим поведением, ведет себя как «опасный человек», недостоин искренней любви и т. п. За все это Анна Николаевна пытается иногда возбудить в письмах его ревность, но делает это крайне наивно и простодушно.

В пачке женских писем к Пушкину листки Анны Николаевны Вульф занимают особое место: это единственные дошедшие до нас письма к нему девушки, по-видимому, искренне и глубоко его любившей.[7]

А.С. Пушкин – А. Н. Вульф
21 июля 1825 г. Михайловское

Пишу вам после очень грустного опьянения; вы видите, я держу свое слово.

Итак: в Риге ли вы уже? одержали ли победы? скоро ли выходите замуж? нашли ли уланов? Сообщите мне обо всем этом во всех подробностях, ибо вы знаете, что, несмотря на мои злые шутки, я поистине интересуюсь всем, что вас касается. Хотел я побранить вас, да

[7] В письмах А. Н. Вульф и П. А. Осиповой часто называются различные женские имена или инициалы: А.К. – Анна Петровна Керн; Нетти – Анна Ивановна Вульф, племянница П А. Осиповой; Александрина – Александра Ивановна Осипова, падчерица П. А. Осиповой; Евпраксия – младшая дочь А. Осиповой от первого брака, в замужестве баронесса Вревская.

не хватает на то смелости на таком почтительном расстоянии; что же касается нравоучений и советов, то вы их получите. Слушайте хорошенько: 1) Во имя неба, будьте ветрены лишь с вашими друзьями (мужского рода): последние воспользуются этою ветреностью лишь в свою пользу, тогда как подруги повредят вам, ибо усвойте себе хорошенько ту мысль, что все они столь же пусты и столь же болтливы, как и вы сами. 2) Носите короткие платья, ибо у вас прехорошенькие ножки, да не растрепывайте височков, хотя бы это было и модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо. 3) С некоторого времени вы стали очень учены, но… не старайтесь выказывать этого, и если какой-нибудь улан скажет вам, «что с вами нездорово вальсировать», – не смейтесь и не жеманьтесь и не делайте вида, что этим гордитесь; высморкайтесь, отвернитесь и заговорите о чем-либо другом. 4) Не забудьте о последнем издании Байрона.

Знаете, за что я хотел побранить вас? Нет? Испорченная девица, без чувства и без… и т. д. А ваши обещания? Сдержали вы их? Пусть – не стану больше говорить о них и прощаю вас, тем более что и сам об этом вспомнил лишь после вашего отъезда. Странно, где же у меня тогда была голова? После сего поговорим о другом.

Все Тригорское поет: «не мила ей прелесть ночи, а у меня от этого сердце ноет». Вчера мы с Алексеем[8] говорили подряд четыре часа. Никогда еще не было у нас такого продолжительного разговора. Угадайте, что нас вдруг так сблизило? Скука? Сродство чувства? Ничего не знаю: каждую ночь гуляю я по своему саду и говорю себе: она была здесь; камень, о который она споткнулась, лежит на моем столе подле ветки увядшего гелиотропа. Пишу много стихов, – все это, если хотите, очень похоже на любовь, но клянусь вам, что о ней и помину нет.

Если бы я был влюблен, то в воскресенье со мною сделались бы конвульсии от бешенства и ревности; а мне было только досадно. Однако мысль, что я ничего для нее не значу, что, пробудив и заняв ее воображение, я только потешил ее любопытство; что воспоминание обо мне ни на минуту не сделает ее ни рассеяннее среди ее триумфов, ни мрачнее в дни грусти; что прекрасные глаза ее остановятся на каком-нибудь рижском франте с тем же раздирающим сердце и сладострастным выражением, – нет, эта мысль для меня невыносима; скажите ей, что я умру от этого; нет, не говорите, а то это очаровательное создание насмеется надо мною. Но скажите ей, что уж если в ее сердце нет для меня тайной нежности, если нет в нем таинственного, меланхолического ко мне влечения, то я презираю ее, понимаете ли? Да, презираю, несмотря на все удивление, которое должно возбудить в ней это столь новое для нее чувство.

До свидания, баронесса, примите выражение уважения от вашего прозаического обожателя.

P. S. Пришлите мне рецепт, который вы мне обещали. Я наделал столько глупостей, что сил нет. Проклятый приезд, проклятый отъезд.

А.Н. Вульф – А. С. Пушкину
Начало марта 1826 г. Малинники

Вы теперь уж давно в Михайловском – вот все, что я знаю, наверное, о вас. Я долго колебалась, написать ли вам до получения от вас письма; но так как размышления никогда меня ни к чему не приводят, я уступила желанию написать вам. Но с чего мне начать и что вам сказать? Я боюсь и не могу дать воли моему перу; боже, почему я не уехала раньше, почему – но нет, мои сожаления ни к чему – они будут лишь торжеством для вашего тщеславия; весьма возможно, что вы уже не помните последних дней, которые мы провели вместе. Я жалею, что не написала вам в первые дни моего приезда: мое письмо было бы прелестным,

[8] Алексей Вульф, брат Анны Николаевны

но теперь это для меня невозможно: я могу быть только нежной и думаю, что в конце концов порву это письмо. Знаете ли вы, что я пишу вам письмо и плачу? Меня это компрометирует, я чувствую, но это сильнее меня; я не могу себя преодолеть. Я остаюсь тут почти наверное; моя милая матушка устроила это, не спрашивая моего мнения; она уверяет, что с моей стороны большая непоследовательность не желать теперь оставаться здесь, когда зимой я хотела уехать сюда даже одна! Вы видите, что сами во всем виноваты; должна ли я проклинать или благословлять провидение, пославшее вас на моем пути в Тригорское? Если еще вы будете сердиться на меня за то, что я остаюсь здесь, вы будете тогда прямо чудовищем, слышите ли, сударь? Я сделаю все возможное, чтобы не оставаться, даю вам слово, и если мне не удастся, то поверьте, не по моей вине. Не думайте, однако же, что я хочу этого потому, что тут никого у меня нет. Совсем нет: я нашла здесь очень милого кузена, который меня страстно любит и не желает ничего лучшего, чем доказать мне это по вашему способу, если бы я только пожелала. Это не улан, как вы может быть готовы предположить, но гвардейский офицер, очаровательный молодой человек, который мне ни с кем не изменяет; слышите? Он не может перенести мысли, что я столько времени пробыла с вами, таким безнравственным человеком. Но увы! Я ничего не чувствую при его приближении: присутствие его не вызывает во мне никакого волнения.

Я все еще надеюсь получить от вас письмо. Какой радостью это было бы для меня! Я не смею, однако, просить вас об этом, я боюсь даже, что не смогу вам писать, так как не знаю, удастся ли мне прятать письма от моих кузин, а тогда что могла бы я вам сказать? Я предпочитаю совсем не получать от вас писем, чем иметь подобные тем, которые писались вами в Ригу.

Почему не покинула я вас теперь с тогдашним безразличием, почему Нетти не приехала тогда за мной, – быть может, мы расстались бы иначе. Я не показала ей этого письма под различными предлогами, говоря, что пишу А. Керн. Но я не могу так поступать всегда, не вызывая подозрение; несмотря на все мое легкомыслие и непоследовательность, вы сумели сделать меня скрытной. Я говорю о вас возможно меньше, но мне грустно, и я плачу. Это, конечно, очень глупо, так как я уверена, что вы уже думаете обо мне с большим равнодушием и, быть может, рассказываете обо мне всякие ужасы, тогда как я!.. Я забыла вам сказать, что мама нашла вас грустным при нашем отъезде. Ему, кажется, нас жаль! Мое желание вернуться внушает ей подозрение, и я боюсь слишком торопить это. Прощайте, делаю вам гримасу.

8 марта. Уже несколько дней, как я написала вам это письмо: я не могла решиться вам его отослать. Боже! Решено, что я останусь здесь. Вчера у меня была очень бурная сцена с моей матерью из-за моего отъезда. Она сказала перед всеми моими родными, что решительно оставляет меня здесь, что я должна остаться и она никак не может меня взять с собою, ибо, уезжая, устроилась так, чтобы оставить меня здесь. Если бы вы знали, как я опечалена! Я, право, думаю, как и А. К., что она одна хочет одержать над вами победу и что она из ревности оставляет меня здесь. Надеюсь, однако же, что это продлится так только до лета: моя тетка поедет тогда во Псков, и мы вернемся вместе с Нетти. Но сколько перемен может произойти до тех пор – вас могут простить, может быть, Нетти сделает вас другим. Очень неосторожно будет с моей стороны возвращаться вместе с ней, но я все же подвергну себя этому риску и надеюсь иметь достаточно самолюбия, чтобы о вас не жалеть. А. К. тоже должна сюда приехать, но между нами не будет соперничества, по-видимому, каждая из нас довольна своей участью. Это делает нам честь и доказывает наше тщеславие и доверчивость. Евпраксия пишет мне, что вы сказали ей, будто веселились во Пскове – это после меня? Каким же вы показали бы себя и как глупа была бы я! Взяли ли вы тросточку Ильи Ив. – когда я вернусь, я у вас ее спрошу. Боже! Как я была бы рада, если бы получила письмо от вас; не обманывайте меня, во имя неба, скажете, что совсем меня не любите, тогда, может

быть, я буду спокойнее. Я страшно зла на мою мать; вот ведь какая женщина! Впрочем, во всем этом есть и ваша вина.

Прощайте, что скажете вы, прочитав это письмо? Если вы мне напишете, передайте письмо через Трейера, так будет вернее. Я не знаю, куда адресовать вам это письмо, я боюсь, как бы на Тригорское оно не попало в руки мамы; не написать ли к вам через Евпр. – сообщите, как будет лучше.

А.Н. Вульф – А. С. Пушкину
Вторая половина марта 1826 г. Малинники

Если вы получили мое письмо, во имя неба, разорвите его! Мне стыдно за свое безумие, никогда не посмею я поднять глаз на вас, если вас снова увижу. Мама уезжает завтра, а я остаюсь здесь до лета; по крайней мере, я так надеюсь. Если вы не боитесь компрометировать меня перед моей сестрой (а вы это делаете, судя по ее письму), то очень прошу вас не ронять меня в глазах мамы. Сегодня она подсмеивалась над нашим прощанием во Пскове, находя его чересчур нежным. «Он, говорит она, думал, что я ничего не замечаю»[9]. (Как это вам покажется?) Впрочем, вам нужно только казаться таким, как вы есть, чтобы разубедить ее и доказать, что вы даже не замечаете моего отсутствия. Какая волшебная сила пленила меня! Как вы умеете разыгрывать чувства! Я согласна с моими кузинами, что вы крайне опасный человек, но я постараюсь стать благоразумной.

Ради бога, разорвите мое письмо и разбейте мою псковскую чашку. Такой подарок – дурная примета. Я очень суеверна, и чтобы вознаградить вас за эту потерю, обещаю вам подарить, по возвращении, тот сургуч, который вы у меня просили при моем отъезде.

Я буду учиться по-итальянски, и хотя я очень сердита на вас, думаю, что мое первое письмо будет к вам…(Одно слово вымарано)

А.Н. Вульф – А. С. Пушкину
20 апреля 1826 г. Малинники

Боже! Какое волнение я испытала, читая ваше письмо, и как я была счастлива, если бы письмо сестры не примешало горечи к моей радости. Вчера утром я пила чай, когда мне принесли с почты книги, я не могла отгадать, откуда они; когда, приоткрыв, я увидала Las-Casas[10], сердце мое забилось, и я не посмела их развернуть тем более, что я была не одна. Ваше письмо порадовало бы меня, если бы я не помнила, что вы писали в моем присутствии такие же и даже более нежные А. К., а также Нетти. Я не ревную, уверяю вас; если бы это и было, моя гордость, поверьте, тотчас взяла бы верх над чувством, и, однако же, я не могу не сказать вам, как оскорбляет меня ваше поведение. Как могли вы, получив мое письмо, воскликнуть: ах, господи, что за письмо, словно от женщины! И вы бросаете его, чтобы читать глупости Нетти; не хватало только вам сказать, что вы его находите чересчур нежным. Нужно ли вам говорить, как это меня оскорбляет, не говоря уже о том, как компроментируете вы меня, говоря, что письмо от меня. Моя сестра очень за это оскорбилась и, боясь меня огорчить, сообщает об этом Нетти. Эта последняя, не зная даже, что я вам писала, раздражается упреками на недостаток дружбы и доверия к ней с моей стороны, а вы еще меня обвиняете в ветрености, вот что делаете вы сами! Ах, Пушкин, не достойны вы любви, и я вижу, что была бы счастливее, если бы покинула Тригорское ранее и если бы последнее время,

---

[9] В оригинале, видимо, ошибочное расположение слов или знаков препинания: «он говорит, она думала…» Мы переставили их согласно смыслу фразы, выправив одно окончание.

[10] Las Cases (а не Las-Casas, как пишет А. Н. Вульф) – французский историк (1766–1842). Он сопровождал Наполеона в изгнание и написал «Мемориал Святой Елены» (1823), в котором привел рассказы французского императора о всех эпохах его истории. Об этой книге, несомненно, идет речь в письме А.Н.Вульф. Отметим, что книга эта имелась в библиотеке Пушкина.

проведенное с вами, могло бы изгладиться из моей памяти. Как это вы не поняли, почему я не хочу получать от вас писем вроде тех, какие посылали в Ригу. Ведь тот стиль, который раньше задевал только мое тщеславие, истерзал бы теперь мою душу: прежний П. был для меня не тот, какому я пишу теперь. Разве вы не чувствуете этой разницы? Это было бы очень для меня унизительно; я боюсь, что вы не любите меня, как должны были бы любить; вы разрываете и раните сердце, цены которому не знаете; как была бы я счастлива, если бы была так холодна, как вы это предполагаете! Никогда в жизни не переживала я такого ужасного времени, как здесь; никогда еще не испытывала я таких душевных страданий, тем более что должна таить все горести в своем сердце. Как проклинала я мое путешествие сюда! Сознаюсь вам, что последнее время, после писем Евпр., я старалась делать все возможное, чтобы вас забыть, ведь я очень сердита на вас! Не тревожьтесь относительно кузена, моя холодность его оттолкнула, да и потом явился другой соперник, с которым он не смеет равняться и которому принужден уступить место: это Анреп, который провел здесь последние дни; нужно сознаться, он очень красив и оригинален; я имела счастье и честь одержать над ним победу. О, этот превосходит даже и вас, чему я никогда бы не поверила, – он идет к своей цели гигантскими шагами; судите сами: я думаю, что он превосходит вас даже в дерзости. Мы много говорили о вас, к моему большому изумлению, он сказал мне также некоторые ваши фразы, напр., что я чересчур умна, чтобы иметь предрассудки.

Почти в первый же день он схватил мою руку и сказал, что имеет полное право ее поцеловать, раз я ему так сильно нравлюсь. Заметьте, сударь, пожалуйста, что он не ухаживал здесь и не ухаживает ни за кем другим и не повторяет мне фраз, сказанных другой; напротив, он не обращает ни на кого внимания и всюду следует за мной. Уезжая он сказал, что от меня зависит его возвращение сюда. Однако же не бойтесь, я к нему ничего не чувствую, он не производит на меня никакого впечатления, тогда как одно воспоминание о вас так меня волнует!

Мама обещала прислать за мной в июне месяце, если тетя не приедет летом. Нужно ли мне просить вас сделать все возможное, чтобы она осуществила это поскорее. Я сильно опасаюсь, что у вас совсем нет любви ко мне; но вы испытываете лишь временные желания, которые хорошо знакомы и многим другим.

У нас много народа; едва нашла я время вам написать. Еще приехал к нам из Новгорода один любезный молодой человек, господин Павлищев, большой музыкант; он сказал мне, что знает вас. Мы пойдем сегодня обедать к одной из моих теток: нужно кончать письмо, так как пора одеваться. Я буду в большом обществе, но мечтать буду только о вас. Пишите мне с полной безопасностью через Трейера и через Торжок; так более надежно, и вам нечего бояться, он не знает, чьи письма мне передает, а тут знают вашу руку.

Порвите мое письмо по прочтении, заклинаю вас, я сожгу ваше; знаете ли, я всегда боюсь, что вы найдете мое письмо чересчур нежным, и потому не говорю вам всего, что чувствую.

Вы говорите, что ваше письмо плоско, потому что вы меня любите: какой абсурд; особенно для поэта; что может делать более красноречивым, нежели чувство. Пока прощайте. Если вы чувствовали, как я, я была бы довольна. Боже, я никогда не поверила бы, что напишу когда-нибудь такую фразу мужчине! Нет, я ее вычеркиваю! Прощайте еще раз, делаю вам гримасу, раз вы их любите. Когда мы увидимся? Не буду жить до этого момента.

А.Н. Вульф – А. С. Пушкину
2 июня 1826 г. Малинники

Я, наконец, получила ваше письмо вчера. Трейер принес мне его сам, и я не могла удержаться от восклицания при виде вашего письма. Почему вы не писали мне так долго? Разве вы не могли этого сделать из Пскова? Как слабы оправдания, которые вы мне всегда приво-

дите! Все, что вы пишете об Анрепе, мне в высшей степени не нравится и оскорбляет меня двояким образом; во-первых, предположение, что он сделал больше, чем поцеловать мне руку, с вашей стороны крайне обижает меня, а слово все равно еще того хуже: оно оскорбляет и огорчает меня в другом смысле. Надеюсь, вы достаточно умны, чтобы почувствовать, что этим вы высказываете свое безразличие к создавшимся между мною и им отношениям. Полагаю, что это не очень нежно с вашей стороны. Заметила я, что он превосходит в дерзости и неосторожности из его поведения не только со мной; но по его обращению со всеми и из общего разговора. Итак, нет надежды, что мама пришлет за мной, это весьма прискорбно. Над. Гавр. все обещает маме приехать в будущем месяце: но на это нельзя рассчитывать; ведь это она портит все дело, а между тем г-жа Трейер приедет сюда через две недели и я могла бы поехать с ней. Было бы превосходно, если бы мама прислала мне с нею экипаж и тогда в этом месяце я была бы в Тригорском. Я рассчитываю, что мой брат это устроит! Нужно только убедить маму, что Н. Гавр. будет откладывать свое путешествие с месяца на месяц и все будет откладывать. Я думаю, что он уже в Тригорском и напишу ему по этому поводу. Вся эта неопределенность меня очень мучает; все это время я была очень больна и теперь еще сильно страдаю. Как я была удивлена, получив на этих днях большой пакет от вашей сестры, она мне пишет вместе с А. К., обе они в восторге друг от друга. Левушка пишет мне тысячу нежностей в этом же письме, и к моему большому удивлению, я нашла там несколько строк от Дельвига, которые мне доставили большое удовольствие. Мне кажется, однако же, что вы немного ревнуете к Левушке. Я нахожу, что А. К. прелестна, несмотря на свой большой живот; это выражение вашей сестры. Вы знаете, что она осталась в Петерб. на время родов, а затем собирается приехать сюда.

Вы хотите выместить на жене Левушки[11] его успехи у моей кузины. Это не доказывает безразличия к ней с вашей стороны. Какая неосторожность с вашей стороны оставить на виду мое письмо, ведь мама его чуть не увидала! Вот блестящая мысль: нанять почтовых лошадей и приехать одной; желала бы я видеть, как любезно меня встретит мама; она готова будет меня совсем не принять. Эффект получился бы слишком сильный! Бог ведает, когда мы опять увидимся! Это ужасно, и это повергает меня в грусть. Adieu, ti mando un baccio, mio amore, mio delizie (Посылаю тебе поцелуй, моя любовь, моя прелесть.)

Пишите мне чаще, ради бога; ваши письма одно мое утешение. Я, знаете ли, очень грустна. Как желаю я и боюсь моего возвращения в Тригорское.

Но я предпочитаю лучше поссориться с вами, нежели оставаться здесь: эти места очень безвкусны, и нужно сознаться, что среди уланов Анреп еще самое лучшее, вообще же весь полк немногого стоит, и воздух здешний не идет на пользу, я постоянно болею. Боже! Когда же я вас увижу опять!

А.Н. Вульф – А. С. Пушкину
11 сентября 1826 г. Петербург

Что вам сказать и как начать это письмо?.. И все же чувствую потребность написать вам и не могу слушаться ни размышлений, ни рассудка. Я стала точно другая, узнав вчера новость о доносе на вас. Боже правый, что же с вами будет. Ах! Если бы я могла спасти вас, рискуя жизнью, с каким удовольствием я бы ею пожертвовала и одной только милости просила бы у неба – увидать вас на мгновенье перед тем, как умереть.

Вы не можете себе представить, в каком я отчаянии; неуверенность моя относительно вашего положения для меня ужасна, никогда еще я так не страдала душевно – и посудите, я

[11] Левушка, вероятно, Лев Сергеевич Пушкин, брат поэта. Фраза о «жене Левушки» (la femme de Leon) не совсем понятна, т. к. Л. С. Пушкин женился только в 1843 г. (в Одессе на Г. А. Загряжской). Очевидно, имеется в виду определенное лицо, не состоявшее с Л. С. Пушкиным в официальном браке.

должна уехать через два дня, ничего определенного не узнав о вас. Нет, никогда еще ничего ужаснее я не испытывала в жизни и не знаю, как я не потеряю рассудка. А я-то рассчитывала увидеть вас наконец на этих днях! Посудите, каким неожиданным ударом было для меня известие о вашем отъезде в Москву! Но дойдет ли до вас это письмо и где оно вас достигнет? Вот вопросы, на которые никто не может ответить. Быть может, вы найдете, что я плохо поступила, написав вам, я тоже это нахожу, но я не могу лишиться этого единственного оставшегося мне утешения. Я пишу вам через Вяземского; он не знает, от кого это письмо, он обещал его сжечь, если не сможет вам его передать. Порадует ли оно вас еще? Может быть, вы очень изменились за эти месяцы: оно даже может показаться вам неуместным. Эта мысль, признаюсь, для меня ужасна, но сейчас я могу только думать об опасностях, в которых вы находитесь, минуя всякие другие соображения. Если для вас возможно, ответьте мне ради бога, хотя бы словом. Дельвиг собирался написать вам со мною длинное письмо, в котором он просит вас быть осторожным! Очень боюсь, что вы им не были. Боже, с какой радостью я бы узнала, что вы прощены, если бы даже мне не пришлось вас никогда больше увидать, хотя это условие для меня столь же ужасно, как смерть. Вы не скажете на этот раз, что письмо мое остроумно, оно лишено всякого смысла, и все же я его посылаю таким, какое оно есть. Что за несчастие, право, попадать в каторжники. Прощайте! Какое было бы счастье, если бы все кончилось хорошо, иначе не знаю, что со мной будет. Я страшно себя скомпрометировала вчера, когда узнала ужасную новость, а несколько часов до того я была в театре и наводила бинокль на кн. Вяземского, чтобы рассказать вам о нем по возвращении. Я многое бы вам сказала, но сегодня я говорю обо всем либо чрезмерно много, либо слишком недостаточно и, вероятно, я кончу тем, что порву мое письмо. Моя кузина Анета Керн принимает живое участие в вашей судьбе. Мы говорим только о вас; она одна меня понимает, и только с нею я плачу. Мне так трудно притворяться, а я должна казаться веселой, когда душа моя разрывается на части.

Нетти очень расстроена вашей судьбой. Да охранит и защитит вас небо. Представляете себе, что я буду испытывать, когда приеду в Тригорское. Какая пустота и какое мучение! Все будет мне напоминать о вас. Совсем с другим чувством думала я приближаться к этим местам; Тригорское мне стало дорого, я думала там вновь обрести жизнь; как я горела желанием туда вернуться, а теперь я найду там лишь мучительные воспоминания. Ах, зачем я покинула эти места. Но я говорю вам о своих чувствах слишком откровенно. Пора кончать. Прощайте! Сохраните ко мне немного привязанности: мое чувство к вам этого заслуживает. Боже, если бы мне свидеться с вами довольным и счастливым!

А.Н. Вульф – А. С. Пушкину
16 сентября 1826 г. Петербург

Я настолько мало эгоистична, что радуюсь вашему освобождению и поздравляю вас с ним, однако же не могу удержаться от вздоха, написав вам это, и в глубине души много бы дала, чтобы вы были еще в Михайловском. Все мои усилия к великодушию не могут заглушить чувства огорчения, которое я испытываю, когда думаю, что не найду вас больше в Тригорском, куда меня призывает сейчас моя несчастная звезда; чего бы я не дала, чтобы совсем его не покидать и не возвращаться в него теперь. Я написала вам длинное письмо с князем Вяз.

Я бы хотела, чтобы оно не дошло до вас: тогда я была в отчаянии, что вы схвачены, и готова была на всякие неосторожности. Я видела князя в театре и в продолжение всего спектакля только и смотрела на него в бинокль. Я тогда надеялась вам рассказать о нем.

Я была в восторге повидаться с вашей сестрой, она прелестна. Знаете ли, я нахожу, что она на вас очень похожа; я не знаю, как не заметила этого раньше – скажите мне, прошу вас, почему вы перестали мне писать: безразличие или забвение? Гадкий вы! Недостойны

вы того, чтобы вас любили, много счетов нужно было бы мне свести с вами, но горесть, что я больше не увижу вас, заставляет меня все забыть…(не разобрано) сколько хлопот, я думаю, в Москве – я…(оторван край письма) он устанет внимать… ну беспрестанно – А. Керн вам велит сказать, что она бескорыстно радуется вашему благополучию и любит искренно и без зависти. Прощай мое прошлое блаженство и… yves! (не разобрано). Никто в жизни не заставит меня испытать тех волнений и ощущений, какие я переживала рядом с вами. Письмо это может служить доказательством моего доверия к вам. Итак, я надеюсь, что вы меня не скомпрометируете и разорвете мое письмо, написав мне на него ответ (будет ли он?).

На обороте. Господину Александру П. – Фальшивому брату, чтобы не скандализировать свет.

П.А. Осипова

П.А. Осипова была дочерью крупного псковского помещика XVIII века Александра Максимовича Вындомского. Он служил в гвардии, вращался в большом свете, затем уединился в свои поместья, где занимался «отчасти стихотворством, а более всего – сельским хозяйством». Прасковья Александровна была его младшей дочерью. Она родилась 23 сентября 1781 г. В момент приезда Пушкина в Михайловскую ссылку ей было 43 года, в год смерти поэта – 56 лет. В год рождения Пушкина 13 февраля 1799 г. Прасковья Александровна вышла замуж за тверского помещика Ник. Ив. Вульфа, от которого имела сына Алексея и дочерей Анну и Евпраксию. Все они вошли в пушкинскую биографию. Овдовев в 1813 г., Прасковья Александровна вышла впоследствии замуж за Ив. Соф. Осипова, скончавшегося в год приезда Пушкина в Михайловское, 5 февраля 1824 г.

П.А. Осипова находилась в недалеком свойстве с Пушкиным; ее родная сестра Елизавета была замужем за Як. Ис. Ганибалом, двоюродным дядей поэта по матери.

Прасковью Александровну Осипову характеризовали у нас обычно по различным историческим данным ее родословной (она по матери была из рода Кашкиных, а дед Аристарх Кашкин был видным вельможей Екатерины II) или же отчасти по письмам к ней Пушкина. Высказывания же самой П. А. Осиповой – ее дружеские письма к поэту – при этом недостаточно принимались во внимание. Между тем они дают основание для углубления многих известных черт ее характера и раскрытия некоторых других, до сих пор недостаточно освещенных.

Из приведенных выше писем старшей дочери Осиповой – Анны Николаевны Вульф мы видели, что Прасковья Александровна была по-женски увлечена Пушкиным и даже старалась всячески отстранить от него возможных соперниц. «Она одна хочет одержать над вами победу», – с досадой пишет Пушкину Анна Николаевна, сосланная матерью в далекие Малинники.

Прасковья Александровна действительно питала к Пушкину сильное чувство. С глубокой и искренней нежностью она называет его «мой дорогой и всегда любимый Пушкин», «сын моего сердца». «Целую ваши прекрасные глаза, которые я так люблю», – пишет она ему. При этом она проявляет исключительную заботливость о нем – устраивает его земельные и хозяйственные дела, тщательно исполняет его поручения, заботится о его доходах, дает ему практические советы и указания. Недаром в одном из писем она сообщает: – «Я охотно сделаюсь вашей управительницей».

Письма Пушкина – величайшая радость и гордость для нее. Она благоговейно хранит каждый листок его переписки и нисколько не преувеличивает, сообщая ему уже в 1833 г., что перечитывает его письма «с наслаждением скупца, пересчитывающего груды золота, которые копит».

Ее женская влюбленность в поэта сочеталась с неизменной материнской нежностью к нему; не без улыбки, но с невольным сочувствием к ее заботливому попечению о поэте читаешь в ее письмах сведения о банке крыжовенного варенья, которую ей никак не удается переслать из Тригорского в Петербург своему горячо любимому Пушкину, пока, наконец, 9 января 1837 г. заветная банка не выезжает из Тригорского. По срокам тогдашних переездов нужно думать, что Пушкин еще успел получить, за несколько дней до дуэли, этот последний знак внимания своей верной тригорской подруги.

Пушкин имел все основания высоко ценить П. А. Осипову. Это была незаурядно образованная женщина, начитанная в истории, знакомая с литературой, следящая за новинками поэзии. Недаром отец ее занимался стихотворством и сама она принимала в своем доме

Пушкина, Языкова, Дельвига. Каждая новая книжка «Современника» для нее – событие, а над «Повестями Белкина» она проводит бессонную ночь.

Любопытно отметить, что в области политики она придерживалась передовых воззрений, опережая в этом отношении иногда даже своего знаменитого корреспондента и друга. Когда в 30-е годы произошло примирение Пушкина с правительством, П. А. Осипова в оценке политической современности оказалась несравненно независимее и радикальнее его. В то время как Пушкин, сообщая о бунте в военных поселениях, с возмущением говорит об «утонченном зверстве» бунтовщиков и сочувственно отзывается об императоре, который «усмирил бунт с удивительной храбростью и хладнокровием», Прасковья Александровна придерживается иных мнений: «Пока бравый Николай будет придерживаться способа военного управления страной, дела будут идти все хуже и хуже, т. к. он, очевидно, внимательно не прочел или же совсем не читал «Историю Византии» Сегюра (и многих других, писавших о причинах падения империй)». В то время, как Пушкин приветствует победы русских войск в Польше, Осипова решительно называет польскую войну «дурацкой».

Интересна и разница их отношения к другому политическому слуху. «Император, – пишет Пушкин в 1835 г., – даровал милость большинству заговорщиков 1825 г. (разрешение Кюхельбекеру, напр., жить в южной части Сибири)». Иначе относится к этому скептически-умная Осипова: она готова радоваться вести об улучшении положения «несчастных ссыльных – но правда ли это? Не только ли в Петербурге этому поверят?».

Она жестоко иронизирует над «избирательными глупостями» своего сословия (дворянские выборы) и с большой свободой убеждений заявляет в начале 30-х годов, что «наше дворянство еще похоже на варваров». В отличие от многих петербургских знакомых Пушкина, Осипова относилась явно отрицательно к личности Николая I и к системе его управления страной. Даже по кратким высказываниям ее в письмах к Пушкину Прасковью Александровну следует отнести к рядам оппозиционного дворянства первой четверти XIX века. Это отчетливо сказывается и в ее глубоком сочувствии «несчастным ссыльным» 1825 г. Отметим, что декабрист Муравьев-Апостол и петрашевец Кашкин оба находились в довольно близком родстве с владелицей Тригорского.

Пушкин относился к П. А. Осиповой с чувством серьезной и почтительной привязанности, он никогда не допускал по ее адресу тех насмешливых отзывов, которые были для него привычны в отношении многих других женщин. Ей посвятил он «Подражания Корану», «Простите, верные дубравы!», «Быть может, уж недолго мне…» и прелестный мадригал:

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

П.А. Осипова намного пережила своего друга-поэта. Она скончалась 8 апреля 1859 г. и погребена на погосте Городища в полуверсте от Тригорского.

П.А. Осипова – А.С. Пушкину
Конец 1826 г. Тригорское

…в новом году вы отдохнете – и затем улетите из наших объятий – к новым радостям, к новым наслаждениям – к новой славе. Прощайте, целую ваши прекрасные глаза, которые я так люблю. П. О.[12] Сбоку: А. Пушкину где он найдется.

П.А. Осипова – А. С. Пушкину
19 июля 1831 г. Тригорское

Благодарю вас за любезное письмо, которое я только что получила, мой дорогой Александр, благодарю за дружеское его содержание; мы надеемся, что Евпраксия будет счастлива с избранным ею человеком, который, по-видимому, обладает всеми качествами, укрепляющими семейное счастье. 8-го этого месяца состоялось бракосочетание; я провела 3 дня во Вреве, и ваше письмо пришло во время моего отсутствия, кроме того, оно было адресовано в Опочку – и пролежало там несколько лишних дней. Несмотря на известия, помещенные в Петербургской литературной газете, холера не была в Острове – кроме как в головах врачей, и до прошлого понедельника Псков тоже был ею пощажен. С тех пор я ничего о ней не слыхала. Наш маленький кружок, благодарение богу, до сих пор оставался нетронутым – но в Островском уезде болезнь, говорят, появилась, впрочем, кажется, не в угрожающих формах. Вообще же, вероятно, большая смертность должна быть приписана неуменью лечить эту болезнь и той скорости, с которой она развивается у больного, а не ее эпидемическому характеру. Это болезнь повальная, а не зараза. Мы живем потихоньку и благодарим бога за его охраняющую благость, но мы не можем быть ни счастливы, ни спокойны, пока не будем уверены, что наши друзья в Петербурге, Царском и Павловске вне опасности. Нравятся ли мне ваши воздушные замки? Я не успокоюсь, пока это не осуществится, если я найду к этому малейшую возможность – но если это невозможно, есть на окраине моих полей на берегу большой реки маленькое имение, прелестное местечко, домик, окруженный прекрасной березовой рощей. Земля продается одна, без крестьян. Не хотите ли ее приобрести, если владельцы Савкина не захотят с ним расстаться? Впрочем, я постараюсь сделать все возможное. Прошу вас передать вашей прекрасной супруге привет от меня, как от человека, который нежно вас любит, восхищается ею понаслышке и готов полюбить ее всем сердцем. Да сохранит и сбережет вас бог, вот мысль, господствующая сейчас в моем уме и сердце.

А.С. Пушкин – П. А. Осиповой
29 июля 1831 г. Царское Село

Ваше молчание начинало меня тревожить, дорогая и любимая Прасковья Александровна; письмо ваше успокоило меня как нельзя более кстати. Еще раз поздравляю вас и желаю вам всем от глубины сердца – благополучия, спокойствия и здоровья. Я сам относил ваши письма в Павловск и, признаюсь, смертельно желал узнать их содержание; но матушки моей не было дома. Вы знаете о приключении, бывшем с ними, о шалости Ольги, о карантине и проч. Теперь, слава богу, все кончено. Родители мои более не под арестом, холеры бояться уж нечего. В Петербурге она скоро прекратится. Знаете ли, что в Новгороде, в военных поселениях, были мятежи? Солдаты взбунтовались, и все под тем же нелепым предлогом отравления. Генералы, офицеры и доктора умерщвлены с утонченным зверством. Император отправился туда и усмирил бунт с удивительной храбростью и хладнокровием; народу не следует привыкать к бунтам, а бунтовщикам – к его присутствию. Кажется, все кончено. Вы судите о болезни гораздо лучше, нежели доктора и правительство. «Болезнь повальная, а не зараза, следственно, карантины лишние; нужны одни предосторожности в пище и одежде». Если бы эта истина была нам ранее известна, мы избегнули бы многих

[12] К письму приложено известное стихотворение Языкова «Послание к няне».

бедствий. Теперь холеру лечат как всякую отраву – деревянным маслом и теплым молоком, не забывая и паровой ванны. Дай бог, чтоб рецепт этот не понадобился вам в Тригорском.

Вам вручаю мои интересы и планы. Я не особенно держусь за Савкино или какое другое место; я желаю только быть вашим соседом и обладателем хорошенькой местности. Благоволите сообщить мне о цене той или другой усадьбы. Обстоятельства задержат меня, по-видимому, в Петербурге более, чем бы я желал, но это нисколько не изменяет ни моих намерений, ни надежд.

Примите уверение в моей преданности и совершенном уважении. Поклон всему вашему семейству.

П.А. Осипова – А. С. Пушкину и Н. Н. Пушкиной
21 августа 1831 г. Тригорское

Холера в окрестностях Тригорского имеет только то неудобство, что задерживает почту; этому нужно, вероятно, приписать медленное прибытие вашего письма от 29 июня. Я получила его, мой дорогой Александр, только 11 августа, а так как мое здоровье все это время было не очень-то хорошо, я не смогла вам ответить раньше. Затем меня навестили преосвященный и г-н Пещуров, после чего мне было необходимо съездить к Борису (барон Вревский) и Евпраксии; наконец, тысяча мелочей мешала мне написать вам – до сегодняшнего дня. Благодарю вас за ваше доверие ко мне, но чем оно больше, тем более я буду чувствовать себя обязанной быть достойной его – и моя совесть не даст мне покоя. Поэтому, рискуя вам надоесть, я спрашиваю вас, мой молодой друг, какою суммою вы располагаете для приобретения того, что вы называете хижиной, – я думаю, не больше 4 или 5 тысяч – жители Савкина имеют 45 десятин земли, разделенной между тремя владельцами, двое из них почти согласились на продажу, но самый старый не решается и потому запрашивает безумную цену. Но если вы мне скажете, сколько вы хотите истратить на приобретение – у нас есть способ согласовать желания старика с нашими. Ведь что вам делать с землей, которая отдалит вас от Михайловского – (и осмелюсь сказать по вашему любезному выражению) от Тригорского, вся прелесть которого теперь для меня лишь в надежде на ваше соседство. Потому-то, до тех пор пока я не потеряю всякой надежды, я буду стоять за Савкино. Мы узнали, увы, о мятеже в военных поселениях. Вы правы, говоря о том, что не нужно. Но пока бравый Николай будет придерживаться военного образа правления, дела будут идти все хуже и хуже. Вероятно, он не прочитал внимательно, а может, и совсем не читал «Историю Византии» Сегюра![13] Что думают у вас об этой дурацкой войне с поляками? Когда она кончится. Я забываюсь в удовольствии болтать с вами, любезный сын моего сердца. Если бы бумага моя занимала пространство неба, а чернила для писания поставляло бы мне море, у меня всегда была бы еще мысль, чтобы выразить вам свою привязанность, а однако два слова скажут это также хорошо: любите меня в четверть того, как я вас люблю, и с меня будет достаточно. Анета и Александрина вам кланяются. Прасковья Осипова.

Тысяча приветов от меня вашим родителям.

Те три строки, с которыми вы обратились ко мне, сударыня, в только что полученном мною письме вашего супруга, поистине доставили мне больше удовольствия, чем иные три страницы, и я благодарю вас от всего сердца. Радуюсь надежде когда-нибудь вас увидеть, так как готова восхищаться вами и полюбить вас, как все, кто имеет удовольствие вас знать. Вы делаете счастливыми людей, которых я люблю, это уже право на мою благодарность. Прошу верить в самые нежные чувства вашей покорнейшей слуги Прасковьи Осиповой.

Если моя дорогая Ольга среди вас, будьте добры передать ей от меня тысячу приятных вещей.

---

[13] И многих других, писавших о причине падения империй. – (*примеч. А. Осиповой.*)

А.С. Пушкин – П. А. Осиповой
11 сентября 1831 г. Царское Село

Искренне благодарю вас, сударыня, за труды, какие вы взяли на себя, ведя переговоры с обитателями замка в Савкине. Если среди них имеется один слишком несговорчивый, нет ли возможности сговориться с двумя другими, оставив первого в стороне? Впрочем, дело не из спешных: новые занятия задержат меня в Петербурге по крайней мере на два или три года. Я этим очень огорчен: я надеялся провести их близ Тригорского.

Жена моя искренне благодарит вас за строки, которые вы изволили написать ей. Это добрейший ребенок, готовый любить вас от всего сердца.

Я не пишу вам о взятии Варшавы. Можете судить, с каким восторгом мы узнали об этом после 9 месяцев несчастий. Что скажет Европа – вот занимающий нас вопрос.

Холера закончила свои опустошения в Петербурге, но она совершит теперь объезд провинции. Остерегайтесь ее, сударыня. Ваши желудочные боли приводят меня в трепет. Помните, что холеру рассматривают, как простое отравление: молока и масла – и затем остерегайтесь простуды.

Прощайте, сударыня, верьте моему уважению и искренней привязанности. Шлю приветствия всему вашему семейству.

П.А. Осипова – А.С.Пушкину
29 сентября 1831 г. Тригорское

Когда я прочитала в прошлую субботу с неописуемым наслаждением «Три стихотворения на взятие Варшавы», мое воображение было этим так занято, что всю ночь я видела вас во сне. Я помню, что поцеловала вас в глаза, и – представьте, какая приятная неожиданность, – в то же утро почтальон принес мне ваше письмо от 11. Я хотела бы поцеловать каждый из ваших милых глаз, дорогой Александр, за свидетельства того внимания, которое вы мне уделяете – но будьте покойны. Холера обошла, как по плану, всю губернию – города, как и деревни, – но произвела опустошения менее, чем в других местах. Но поистине замечательно, что она не показывалась в Великих Луках и в Новоржеве, пока не привезли тело Великого Кн. Конст., а затем разразилась там жестоко. Никто не был болен в свите Великого Князя, и однако же через 24 часа после того, как они покинули дом Д. Н. Философова, заболело, по крайней мере, человек 70, и так всюду после их проезда. В подтверждение этого нашего наблюдения я только что получила письмо от моей племянницы Бегичевой, которая нас уведомляет, что за последнее время болезнь опять усилилась в Петербурге, ежедневно заболевают 26 и более человек, и я предполагаю, что та же причина производит то же самое действие, и так как размеры Петерб. больше, чем все другие места, где проезжало тело В. К., – болезнь продолжится там дольше. Повторяю вам, она не поднимается на высоту наших гор. Великие умы сходятся, и у нас была одна и та же мысль насчет Савкина. Акулина Герасим., которой принадлежит половина земли, может быть, ее продаст. Есть некоторая надежда, так как вы говорите, что это дело неспешное; но то, что вы сообщаете о вашем прибывании в Петербурге, заставляет меня думать, не совсем ли хотите вы там обосноваться. Савкино может быть только хижиной на два летних месяца, и если вы его приобретете – потребуется целое лето, чтобы сделать его обитаемым. Прошу вас передать привет вашей прекрасной жене, мои дочери шлют вам свой. Напомните обо мне немного моей дорогой Н. О.(Надежде Осиповне Пушкиной, матери поэта); я это время сильно болела лихорадкой, последствием болей в желудке; теперь я поправилась. Прощайте, будьте здоровы и верьте всегда моей нежной преданности. П. О.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.